

[Перейти к титульному экрану](#)

РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

УДК 347.44

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СМАРТ-КОНТРАКТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. А. Амельченя

доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
e-mail: aua_post@tut.by

***Аннотация.** В статье приведены некоторые особенности смарт-контракта в условиях действия правового эксперимента по его применению.*

***Ключевые слова:** смарт-контракт, блокчейн, договорные обязательства.*

***Annotation.** The article is based on researching some issues of smart-contract within legal experiment of its implementation.*

***Keywords:** smart-contract, blockchain, contract obligations.*

По мере развития информационных технологий правовые конструкции меняются, поскольку преобразуются регулируемые общественные отношения.

Тем не менее возникает вопрос о том, действительно ли информатизация или цифровизация преобразует общественные отношения. При глубоком осмыслении можно прийти к выводу о том, что сущность отношений остается тем не менее неизменной, изменяются формы их существования или осуществления.

Гражданско-правовая сфера, в отличие от публичных сфер, всегда отличалась гибкостью, разнообразием отношений, развитием, появлением новых их видов. Это обусловлено действием основных начал гражданского законодательства (статья 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), диспозитивностью при регулировании гражданских отношений, проявлением «мягкого» права.

Именно в ней создаются условия для появления новых форм, видов отношений.

На каком-то этапе такие новые элементы гражданских отношений требуют правового регулирования. В частности, это и произошло с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифро-

вой экономики» (далее — Декрет № 8). Им на условиях правового эксперимента «для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь» (пункт 5 Декрета № 8).

В Декрете № 8 закреплена правовая возможность для резидентов Парка высоких технологий осуществлять совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта. При этом лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное (подпункт 5.3 пункта 5 Декрета № 8).

На первый взгляд, норма понятна и однозначна: указанные субъекты совершают сделку, исполняют ее посредством технологии смарт-контракта; действует презумпция согласования и понимания сути всех условий такой сделки, выраженной программным кодом. Но при более детальном рассмотрении возникает ряд вопросов: с какого момента сделка считается совершенной; считается ли письменная форма сделки соблюденной при ее совершении посредством смарт-контракта; следует ли ставить вопрос о недействительности сделки и по каким основаниям, если она совершена посредством смарт-контракта; может ли идти речь о договоре как сделке; как идентифицировать сторон сделки; какой момент будет определять необходимость исполнения смарт-контракта; какие субъекты и (или) технологии будут задействованы при совершении и (или) исполнении сделки; как сторонам согласовать и понять суть сделки, если им непонятен программный код в отсутствие специальных знаний (языка программирования). Эти и иные вопросы требуют своего осмысления и поиска ответов в первую очередь для того, чтобы сделать однозначный вывод о том, требуется ли имплементация соответствующих норм в гражданское законодательство Республики Беларусь или нет.

Более того, сфера применения технологии смарт-контракта уже расширена за счет ее использования Национальным банком Республики Беларусь и участниками межбанковской системы идентификации в отношениях между собой и (или) с иными юридическими и физическими лицами. Право использовать смарт-контракты появилось при совершении и (или) исполнении сделок, иных юридически значимых действий при осуществлении банковских, других финансовых операций и иной деятельности (подпункт 1.13 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях»). Так же, как и в Декрете № 8, закреплена презумпция осведомленности об условиях сделки, выраженных программным кодом, пока не доказано иное.

Российские исследователи отмечают, что «умные» контракты демонстрируют новый этап в развитии автоматизации договорных отношений: они могут не только заключаться без участия человека, но и исполняться без участия человека. При этом исполнение договора в данном случае предполагает автоматизированную передачу определенного актива» [1].

В действующем законодательстве, которое применяется в условиях правового эксперимента в соответствии с Декретом № 8, смарт-контракт определяется как программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий (пункт 9 приложения 1 к Декрету № 8).

В свою очередь, блокчейн или реестр блоков транзакций как правовая категория в Декрете № 8 определен как выстроенная на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях (пункт 8 приложения 1 к Декрету № 8).

Действительно, особенность смарт-контракта состоит в том, что он «может функционировать только в определенной среде — блокчейне или другой распределенной информационной системе» [2].

Это, в свою очередь, не позволяет идентифицировать сторон — лиц, подписавших смарт-контракт. «Смарт-контракт гарантирует, что субъект А. подписал программный протокол с субъектом В. Однако, в отличие от ЭЦП, в случае блокчейн-подписи достоверно идентифицировать субъекта нельзя. Причина — отсутствие сертификата открытого ключа, благодаря которому можно идентифицировать сторону и определить ее полномочия.

Тем не менее иные действия (почтовая переписка, бумажные документы, конклюдентные действия) способны снизить вероятность ненадлежащего субъектного состава» [3]. В то же время этот вопрос может быть решен через нормы Декрета № 8, который «предусмотрел, что, если предложение заключить договор поступило в виде кода, простая письменная форма сделки, в том числе внешнеэкономической, считается соблюденной» [4].

Это обусловлено действием нормы в части 4 пункта 21 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12. Так, простая письменная форма сделки, в том числе внешнеэкономической, совершаемой с участием резидента Парка высоких технологий, считается соблюденной, если предложение заключить договор, в том числе в виде программного кода, электронного или иного сообще-

ния, сделанного с использованием электронной или иной связи, информационных систем или информационных сетей, принято в соответствии с пунктом 3 статьи 408 ГК или иным способом, установленным актами законодательства или предложением заключить договор, независимо от наличия в таком предложении подписи, в том числе электронной цифровой подписи, если обстоятельства заключения договора позволяют определить, что оно исходит от стороны по договору.

Условия среды, в которой существует смарт-контракт, предполагают его механизм следующим: «программный код, который содержит данные об условиях сделки, загружается в информационную среду, а затем он самостоятельно отслеживает действия сторон и принимает решения по исполнению договора» [2].

Соответственно, он создается на блокчейн-платформе (одной из известных является Ethereum), представляя собой «алгоритм, который срабатывает по системе «IF — THEN — ELSE» («если... — то... — иначе...»). Иными словами, если (IF) мы поставили необходимый товар, начинает выполняться следующее предусмотренное сторонами условие (THEN). Например, поставщику перечисляется оплата. В противном случае (ELSE) происходит альтернативное событие. Например, товар не поставили — деньги возвращаются покупателю» [4].

Таким образом, по своему правовому содержанию норма Декрета № 8 о смарт-контракте позволила использовать данную конструкцию в отношениях между резидентами Парка высоких технологий, также при совершении и (или) исполнении сделок, иных юридически значимых действий при осуществлении банковских, других финансовых операций и иной деятельности. Но при последующем расширении сферы применения смарт-контрактов, очевидно, необходима специальная регламентация гражданско-правовых аспектов действительности сделки, корректировка норм о форме сделки, о моменте исполнения смарт-контракта и иных.

1. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Сташко В. Э. Декрет № 8: смарт-контракт, заверения, безотзывные доверенности [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

3. Воробей А. В. Смарт-право. Заключаем договор с применением блокчейн-технологий [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. Макаев Н. В. Смарт-контракты в Беларуси, или Что? Где? Когда? [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)